

Джон Донн

ПОЕДИНОК СО СМЕРТЬЮ

John Donne. Death's Duel.

The Complete Poetry and Selected Prose of John Donne. N.Y., 1941, p. 390–427.

Английский текст в интернете:

<http://www.upword.com/donne/deaths-duel.html>

© Н. Н. Казанский, А. И. Янковский

Перевод, предисловие, комментарии.

Опубликовано в журнале «Звезда», 8/1999.

2008 – с исправлениями.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Стихи Джона Донна составляют лишь небольшую часть его литературного наследия. Полное собрание его стихов уместится в небольшой книжке. Своим призванием, обретенным во второй половине жизни, Донн считал служение Богу, и пользовался славой одного из самых выдающихся проповедников своего времени. В данной публикации мы хотим познакомить русского читателя с его самой знаменитой, последней, проповедью.

Смерти нет — это всем известно.

Анна Ахматова

«А что есть?» — На этот вопрос все отвечают по-разному. Текст, который предлагается читателю, отвечает на него однозначно и просто: то же, что и было. От этого неуютно и холодно: смерть в утробе и смерть при переходе от отрочества к юности — как это странно и каким кажется темным и неуместным, пока не находишь того решения, которое казалось таким диким вначале: не смерть, а преодоление; не подчинение смерти, а борение со смертью, не пассивное подчинение предуготованному, а активное ему споспешествование и приуготовление себя.

Детство проходит и проходит юность — и то и другое было предуготовлением к зрелым годам, которые в свою очередь предельны, как конечен и сам человеческий век. Преодоление себя в момент перехода, подчинение внешним обстоятельствам и борьба со смертью как со злом — со злом в самом себе и вовне — вот та точка зрения, которую увидит читатель.

Донн стоит на единстве Таинства настолько, что для него нет пропасти между таинствами, связанными с рождением, крещением, браком, и со смертью, которая в нашей культуре так далеко отнесена в сторону, что мы сторонимся этих картин — суеверный ужас перед смертью и ее проявлениями мучит как атеистическую часть нашего общества, так и верующую.

И независимо от своих религиозных убеждений читатель найдет, над чем подумать и задуматься, чему ужаснуться и чем утешиться. Таков этот текст — простой (по видимой форме) и сложный (в не сразу видимых ассоциациях), и такова его поэтика, что он мощно вторгается в душу и ходом логичного рассуждения и всей системой образов.

Не идиллическое сельское кладбище, не «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам», а содержимое этих гробов — где тут поэзия? Донн ее находит, перейдя от внешнего к глубинному — но уже мета-физическому, — что объединяет переход в мир сей, периоды человеческой жизни, кончая старением, и уход из мира сего.

Метафизическое необходимо как объединяющее начало, в котором нейтрализуется оппозиция жизнь : смерть, причем за жизнью сохраняется только значение «жизни вечной», земная жизнь воспринимается как постоянная смерть, — именно смерть, а не умирание, хотя иногда один образ подан Донном через другой.

Слишком животрепещущие вопросы, слишком открыт тот нерв рассуждения, отвлеченная грубоватость которого может шокировать: как это, о *моей* жизни чуть не словами медицинского учебника. Это неприлично и грубо. Текст может остановить непонятностями — почему я, современный эмансипированный человек, должен помнить наизусть Писание? Переводчики постарались в меру своих сил убрать диспропорцию знаний XVI– XVII вв. и XX века; отчасти об этом позаботился М. А. Булгаков, так что последние дни Христа будут достаточно известны читателю.

Что до «грубости», о которой сказано выше, — она от эпохи и человека эпохи. Шекспир тоже не без грубости. Переводчики не ставили себе цель ее сгладить. Обращение на «ты», пронизывающее текст, у Донна еще не «ты и вы, смешавшиеся в you», а показатель дискретной множественности адресатов — от короля (и ему «ты») до Тебя,

читатель. И это грубое «ты» коробит, а рядом стоящее «соблаговолите взять в рассуждение» выглядит фиглярством. Оно им не было. Таков был стиль эпохи, позволявшей такого рода совмещения; таков был этикет, многожды сменившийся с 1631 года, не совпадающий с принятым у нас речевым этикетом и с принятой у нас риторикой, в том виде, в которой ее первые ростки возрождаются — пока в отдельно взятых школах отдельных городов.

Русская риторика, возникнув под влиянием византийских образцов, отличалась от английской во все периоды. Ее осмысление на основе латинских риторик, предпринятое в XVIII в., возможно, в какой-то степени создало почву для сближения. Но английские образцы продолжали оставаться по другую сторону границы.

Ориентация конца XVIII века на французское красноречие — точное, тонкое и пышное — могла вызвать улыбку следующего века («отменно тонко и умно, что нынче кажется смешно» — у Пушкина), но критика велась с риторических позиций тоже скорее галломанских, чем англоманских. Красноречие Аглицкого клуба в Москве нам известно плохо, англоманы Пушкина и Толстого, перейдя на английский язык, не меняют своего характера, сохраняя природный или модный в России стиль поведения, но никак не меняя его на точный стиль английской формулировки мысли.

Английская риторика вызывала интерес деловитостью, сжатостью речи, конкретностью. Этот интерес прослеживается в описаниях русских путешественников как XVIII, так и XIX вв. — у Карамзина («Письма русского путешественника»), Гончарова («Фрегат "Паллада"»), Станюковича («Путешествие на "Коршуне"»). Интерес, но не подражание. Даже В. П. Петров, который учился в Англии, ничем не выдает свое знакомство с английским красноречием в своих одах.

Только к 60-ым и 70-ым гг. XIX в., когда идеи создания своего Парламента начинают давать какую-то надежду в обществе, после отмены крепостного права и введения суда присяжных на английский манер, начинают раздаваться голоса в пользу английского красноречия (ориентация на английское восприятие истории — Гиббон и Маколей как «властители дум» 60-х – 70-х гг.), но они оказались недостаточными для смены общего стиля, и в самом деле ограничились более историей, чем философией. Подчеркивался английский практицизм:

«Когда конструируется образ чужого народа, то нередко акцентируются именно непохожие, контрастирующие черты. При этом истинный образ упрощается, превращается в схему. Примером может служить представление об английской цивилизации как "вещественной", как воплощении "материализма" в противовес русской — как цивилизации прежде всего духовной, отодвигающей материальные заботы на второй план. Эта схема заставляла русских наблюдателей не замечать многих достижений английской духовной жизни и культуры».¹

Не изменили положения ни бесконечные переводы с английского в «Современнике» времен Чернышевского, ни проникнутые английским духом произведения Анненкова и Дружинина. Во всем этом легче проследить политическую ориентацию на английскую систему управления, чем на английскую риторiku.

Английский язык как язык русского двора не успел оказать влияния на общество, а послереволюционная ориентация на американскую технократическую риторiku, неотделимую от своих английских корней, исключала философско-религиозное направление.

Церковное красноречие в России изучено плохо: не разобраны и не опубликованы сохраненные проповеди царям в дворцовой церкви Эрмитажа,² первые, хотя

¹ Н. А. Ерофеев. *Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских 1825–1853 гг.* М., 1982. с.236.

² Готовится издание проповеди Нестора Соловецкого в качестве приложения к статье М. А. Аникина и В. А. Чернецова «К истории собора Спаса Нерукотворного образа в Государственном Эрмитаже» // «Наше наследие» (в печати в 1993 году. При подготовке к

и важные шаги, сделаны в определении взаимовлияния церковного и светского в литературе XIX в.,³ — одно можно сказать со всей определенностью: церковное красноречие и английское красноречие почти не пересекались. Их различие и несовпадение в самом простом создавало для переводчиков немало трудностей.

Трудности на уровне риторических фигур преодолевались сравнительно легко, летящую в цель пронзительность мысли было передать сложнее; вплетение конкретной детали давалось труднее всего. Проповедь Донна была обращена к людям с хорошей правовой ориентацией, а в нашем обществе правовые знания и правовая подоплека еще не настолько укоренились, чтобы их было можно пустить в подтекст.

Итак, проповедь о борении со смертью. Борении с привлечением всего арсенала средств как из христианской традиции и из риторики, так из жизненного опыта самого Донна.

Джон Донн родился в 1572 г.; он был современником Шекспира, но происходил из другого круга. Отец Донна, Джон Донн старший, был довольно состоятельным торговцем скобяными изделиями. Впоследствии Донн считал, что отцовская линия восходит к очень старинному валлийскому роду; но современные исследователи видят эту линию пресекающейся и часто теряющейся в неизвестности. Сведения о предках Донна по материнской линии несравнимо полнее, благодаря их деятельности в области литературы и права; славой и трагедией клана была судьба Томаса Мора, автора «Утопии», которого от Донна отделяли три поколения: мать Донна, Элизабет Хейвуд, была внучатой племянницей Мора. Сам Джон Донн писал о своей семье, что трудно найти другой круг связанных родством людей, которой бы испытал больше бедствий, отстаивая свою веру, чем тот, из которого он происходил.⁴ Английские католики (католиками были предки Донна и по отцовской, и по материнской линии) держались за свою веру, как за этическую основу существования, и именно поэтому они не могли сменить ее; государство же преследовало их, как политически неблагонадежных (английский король, глава англиканской церкви, не мог допустить политического влияния папы римского на своих подданных). Несовпадение корней и мотивов действия с их оценкой государством придавало «папистскому» диссидентству оттенок классической трагедии.

В этой атмосфере прошло все детство и отрочество Донна. В юности, пережив растерянность и ощущение несправедливости, творимой над близкими людьми, моральная высота которых была абсолютно бесспорной, он пришел к пониманию того, что обе стороны могут быть правы и, вместе с тем, обе пользуются недозволенными средствами.

Чтобы разрешить для себя это положение, Донну потребовалось внимательно изучить обе доктрины; здесь начало его богословских занятий.

В духе семейной традиции, Донн получил юридическое и филологическое образование в Оксфорде и в Кэмбридже, и в 1592 г., когда ему было 20 лет, поступил в Lincoln's Inn, правоведческое заведение, откуда открывался путь к службе юриста или государственного чиновника.

Как и все люди его круга, он свободно владел латынью (сохранились его латинские стихи и проповеди); хорошо знал французский и имел представление о древнееврейском и греческом языках. Его образование далеко выходило за рамки обязательных курсов. Привычка к постоянному и творческому чтению до конца жизни оставалась, кажется, основой его жизненного ритма; незадолго до смерти он передал друзьям свои конспекты полутора тысяч авторов. Был век остроумцев, век парадоксов, розыгрышей и мистификаций; парадоксальный и афористический стиль характерен для всех со-

публикации в Интернете в 2008 году мне не удалось найти сведения об этой статье на сайте журнала «Наше наследие» - А.Я.).

³ П. Е. Бухаркин, *Православная церковь и русская литература в XVIII – XIX веках*, СПб., 1996.

⁴ J. Donne, *Pseudo-Martyr*, 1610, 'Advertisement to the Reader'.

чинений Донна, от первых стихов до последних проповедей. Его называли «королем остроумия», «лауреатом ума».⁵ Он был обаятельным собеседником; его умение привлечь к себе отмечали и в последние годы его жизни те, кто слушали его проповеди.

Джон Донн писал стихи в течение всей жизни, кроме, может быть, самых последних лет. Он не был поэтом легкой и изящной формы. Его стихи действуют не вопреки, а благодаря тому что, пробираясь сквозь чашу метафизики, читатель должен затратить усилие. Легкость его лучших стихов — это легкость обращения с хаосом. Возможно, именно поэтому, после самых возвышенных похвал при жизни и после смерти, в XVIII веке Донн был забыт, но оказался созвучен и близок XX веку, вернувшему и умножившему его популярность. Впрочем, и любивший Донна король Яков мог сказать: «Стихи доктора Донна были так божественны, что превосходили всякое понимание».⁶

В 1597 году Лорд Хранитель Большой Печати, сэр Томас Эгертон, принял двадцатипятилетнего Донна на службу своим секретарем. Должность открывала путь к большой карьере, однако всего через четыре года он тайно обвенчался с Энн Мор, — разница в состоянии не оставляла надежд на то, что ее отец, сэр Джордж Мор, разрешил бы такой брак. И в самом деле, узнав о случившемся, сэр Джордж в ярости потребовал Эгертона отправить Донна в отставку, и обратился в суд, желая расторгнуть брак. Ему удалось только первое; в результате его дочь и зять остались без средств к существованию.

Донн горячо любил свою жену; ей посвящены его лучшие лирические стихи, в том числе, по-видимому, «Прощание, запрещающее грусть», — одно из самых знаменитых его стихотворений, существующее на русском языке в переводе Иосифа Бродского; сохранились письма друзьям, где он говорит о ней самыми сердечными словами — и в самые нелегкие годы.

Бедственный период жизни Донна продлился около двенадцати лет. Он продолжал изучать право, постоянно предпринимал попытки получить светское назначение; но все они оканчивались безуспешно. Чтобы прокормить семью, ему приходилось пользоваться помощью своих друзей и покровителей, — последние оказывали ее с разной степенью искренности и бескорыстия. Донн умел ценить дружбу и быть благодарным: все его близкие друзья остались с ним до самой смерти — своей, или его.

В эти годы ему казалось, что его жизнь потеряла направление.

«Я с радостью перешел бы к действию, но я не знаю, к какому, и в этом нет ничего удивительного. Совершить выбор — значит совершить действие; но не быть частью чего бы то ни было значит — быть ничем. Величайшие люди в лучшем случае лишь величайшие опухоли, лишь наросты; блестящие умы, восхитительные собеседники — лишь украшения, детали орнамента, когда они не являются частью мира так, чтобы как-то способствовать поддержанию его жизни... если я скажу, что я провел эти часы, не повредив никому, то ведь то же можно сказать про паука на моем окне».⁷

Сближения с блаженным Августином, которые можно заметить в публикуемой проповеди, исходят не только из близкого знакомства Донна с текстом «Исповеди», но и из его собственного душевного кризиса и последовавшего за ним обращения. Оно не было внезапным; прежде чем Донн принял бесповоротное решение, прошло еще несколько лет внутренней борьбы. Донн уже давно не мог отнести себя к кругу диссидентов-католиков, но не мог и встать на враждебную им сторону; он уже давно занимался богословием, но не был готов привести свой образ жизни в соответствие с духовной профессией.

⁵ О поэзии Джона Донна в контексте эпохи см. А. Н. Горбунов, *Джон Донн и английская поэзия XVI–XVII вв.*, М., 1993; С. А. Макуренкова, *Джон Данн: поэтика и риторика*, М., 1994.

⁶ Цит. по : A.J. Smith, *Donne's Reputation*, in: John Donne: Essays in Celebration, London, 1972, p.2.

⁷ J. Donne, *Letters to Severall Persons of Honour*, 1651, p. 50–51, 48. (Цит. по : Bald R.C. *John Donne: A Life*, Oxford, 1970, p. 230).

В 1610 г. Донн опубликовал работу под названием «Псевдомученик», вступая в богословскую полемику между католиками и протестантами на стороне последних. На эту работу обратил внимание король Яков; его впечатление от нее было таково, что он останавливал друзей и покровителей Донна, пытавшихся обеспечить ему светскую должность: «Я знаю, что господин Донн ученый человек, владеет способностями ученого богослова; он мог бы стать большим проповедником, я желаю видеть его таковым, и на этом пути я не откажу ему ни в чем».⁸

Смерть дочери, а затем сына, ускорили его решение. В январе 1615 года Донн в течение одного дня был рукоположен в сан диакона, а затем — священника. В августе 1617 года его жена Энн в своих двенадцатых по счету родах принесла на свет мертвого ребенка и через пять дней умерла. В ноябре 1621 года король Яков назначил Донна деканом лондонского собора Св. Павла.

«Возвращаясь после исполнения своего публичного долга, состоящего в хвале Господу и молитве к Нему, я полон неизъяснимым спокойствием духа и готовностью покинуть этот мир».⁹

В этом мире ему оставалось прожить еще девять лет. У него уже были и высокое положение, и богатство; он помогал многим, в том числе и тем, кто поддерживал его в предыдущие годы.

Будучи одним из королевских капелланов, Донн каждый год читал проповедь в Уайтхолле королю и его приближенным, в определенные ему дни. До назначения деканом собора Св. Павла он регулярно проповедовал в Lincoln's Inn'e, — здесь были его давние и близкие друзья из лондонских правоведов; он проповедовал также в своих трех приходских церквях, кроме того, он читал проповеди по особым случаям в частных домах своих друзей. К своим проповедям, за редкими исключениями, он не писал полного текста, а пользовался кратким конспектом. Дошедшие до нас тексты проповедей, кроме нескольких, записанных и опубликованных (чаще по просьбе короля) сразу после произнесения, обретали завершенность только когда у Донна оказывался досуг, что случалось дважды: во время эпидемии чумы 1625 года, и во время последней болезни Донна в 1630 г. За три дня до смерти он передал завершенное своему другу

⁸ Walton I., *Lives*, Oxford, 1927 (reprint of the 1675 ed.) p. 45–46.

⁹ *Ibid.*, p. 62. Молодой церковнослужитель, Дэниел Дарнелли, так передал в латинских стихах впечатление от проповеди Донна:

Я видел,
слышал и цепенел всякий раз, когда проповедник
в храме Павла стоял, приковав к себе взоры народа,
облегчая сердца величавой дивностью речи
Нестора (меда любого слаще его было слово).
В день этот он раскрыл пред народом таинство смерти
не избывное, что и представить себе невозможно.
Молча все ловят слова, им дивятся, их вновь повторяют.
Он же, уже изменив и форму и способы речи,
стал говорить о печальных вещах — о судьбе и плачевном
времени смерти: тела обратятся в прах изначальный.
Только и видно, как жалобно стонут, трясутся в рыданиях,
Каплями слезы глаза оросили. Отец наш Небесный
так пожелал изложить предреченное для потрясенных,
чтобы запомнили голос знакомый, божественный разум,
чтобы от слышанных слов о Суде поникли бы толпы
в час, когда он говорит и царит на высоком амвоне.

Эта элегия была присоединена к изданию Донновских стихов, в новое время опубликована в классическом собрании *The Poems of John Donne*, ed. H. J. C. Grierson. 2 vols. Oxford, 1912. Цит. по: Bald., *op. cit.*, 408. Перевод Н.Н. Казанского.

Генри Кингу (тексты и были записаны по его настоянию), впоследствии они попали в руки сына, Джона Донна младшего, и были им опубликованы.

Летом 1630 года Донн, приехав в гости к своей дочери Констанс, заболел, и на этот раз болезнь не отступала. В декабре Донн написал завещание. В январе 1631 года умерла его мать, которая жила вместе с ним все последние годы. Последняя проповедь Джона Донна была произнесена 25 февраля 1631 года, в королевской часовне Уайтхолла. На этом свете у Донна оставалось совсем немного дорогих ему людей; большинство его близких друзей ушли из жизни; умер и король Яков. В Уайтхолле Донн слушал его сын, Карл I.

Исаак Уолтон, преданный поклонник Донна, один из его прихожан и автор его известной биографии, которая нами уже цитировалась, так описывает это событие :

«Его назначили читать проповедь в его обычный день, первую пятницу Великого поста; он знал об этом, и вопреки своей болезни подготовился к этому событию, как к долгожданному, твердо решив, что его немощь не должна помешать поездке; поэтому он приехал в Лондон за несколько дней до службы. По его приезду туда, многие из его друзей — те, кто с печалью видел, что болезнь оставила ему не более плоти, чем нужно, чтобы только прикрыть кости, — сомневались, что у него хватит сил, и потому отговаривали его от этого предприятия, уверяя его, что оно может сократить его дни; но он горячо отвергал их просьбы, говоря, что не сомневается в том, что Бог, придававший ему в стольких немощах неожиданную силу, не оставит его и в этом последнем деле, и полагая благословенным намерение совершить этот священный труд. И когда, к удивлению некоторых из присутствовавших, он появился на кафедре, многие из них подумали, что он вышел не проповедовать умерщвление плоти живым голосом, но своим обветшалым телом и умирающим лицом представить смертность ее. И несомненно, многие вспомнили про себя вопрос Иезекииля : "Способны ли эти кости жить? или, способна ли душа заставить язык говорить столько времени, сколько песок в часах будет двигаться к центру, отмеряя час неистраченной жизни этого умирающего человека? — Без сомнения, не может". И все же, после нескольких пауз, когда недомогание прерывало его истовую молитву, сила его устремленности позволила его слабому телу извлечь из памяти предуготовленные размышления, которые были о смерти ; текст был : "во власти Господа Вседержителя врата смерти". Многие тогда, видя его слезы, и слыша его слабый и глухой голос, признали, что текст был выбран пророчески, и что доктор Донн прочел проповедь на собственное погребение».¹⁰

Исаак Уолтон по своему положению (он держал бельевую лавку) не мог присутствовать в Уайтхолле; он мог знать об обстоятельствах ее прочтения от кого-то из придворных друзей Донна и от него самого. Был ли текст проповеди написан заранее, или же Донн все-таки успел записать его уже после, по конспекту, об этом трудно судить; но первое, имея в виду физическое состояние Донна, кажется более вероятным.

Некоторые из наиболее ярких образов, присутствующих в проповеди, нередко встречаются и в других произведениях Донна. Это относится, прежде всего, к звону погребального колокола. Колокола звучали не переставая во время эпидемии возвратной лихорадки летом 1623 г., и Донн, сам едва избежав смерти, слышал их звон, лежа в постели; меньше чем за месяц была написана книга,¹¹ которая появилась в печати раньше, чем автор смог выйти из дома. Три периода колокольного звона отмечают три этапа болезни: сначала, напоминая человеку о его смертности, затем, становясь настойчивее, говорят ему, что он должен умереть, и наконец, сообщают ему, что он умер. Второй период и содержит эти знаменитые строки:

«Ни один человек не может быть островом, так, чтобы ему хватало самого себя; каждый человек — это кусок материка, часть целого; если даже один ком земли будет

¹⁰ Walton, *Lives*. Цит. по: *The Complete Poetry and Selected Prose of John Donne*. N.Y., 1941, p. 390–427.

¹¹ J. Donne, *Devotions: Upon Emergent Occasions*; последнее издание: Oxford, 1987.

смыт в море, Европа станет меньше, так же, как если бы смыт был мыс, или поместье твоего друга, или твое собственное; смерть каждого человека уменьшает меня, ибо я един с человечеством; и потому никогда не посылай узнать, по ком звонит колокол; он звонит по тебе».

Размышления о распаде мертвого тела и о бальзаме, который предохраняет от распада, мы впервые встретили в неожиданном контексте в письме Донна (1610 г.) к юной Бриджит Уайт, воодушевившей его на трогательное и остроумное послание,¹² по смыслу и цели далекое от религиозных материй. Но еще раньше, в 1607 г., в несколько более серьезном контексте, те же образы использованы в стихотворном письме к леди Бедфорд.¹³ Мы вряд ли ошибемся, считая, что в «Поединке со смертью» отозвались яркие впечатления всей жизни (и прежде всего юности), и еще раз вспомним, что образы смерти не были для современников Донна столь шокирующими, какими они кажутся сейчас — в этом отношении мы, кажется, стали ближе к тем римлянам, о которых Донн скажет в своей проповеди.

Первая публикация «Поединка со смертью» состоялась через несколько месяцев после смерти Донна.¹⁴

За свою жизнь Джон Донну много раз приходилось видеть смерть рядом. В молодости он побывал на войне, трижды был свидетелем лондонских эпидемий чумы. Свою собственную смерть он встретил спокойно. Как пишет Исаак Уолтон, Донн умирал в сознании; последние слова его были: «Да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя»; он быстро повторил это несколько раз; затем способность говорить оставила его, он глядел пристально перед собой, ожидая что-то увидеть и, увидев, закрыл глаза. Затем он сложил руки и принял такое положение, что осталось только завернуть его в саван.¹⁵

Латинская эпитафия, составленная им самим, гласит:

Иоганн Донн,
профессор священной теологии,
после разносторонних занятий,
которым он предавался с младых лет
прилежно и небезуспешно,
по внушению и побуждению Духа Святого,
по совету и призыву Короля Иакова,
в год своего Иисуса 1614, на 42 году жизни
принял священный сан.
Возведен в деканы этого собора
27 ноября 1621 года,
низведен смертью в последний день марта 1631 года,
здесь, хотя и в виде запавшего праха,
он чаёт Того, Чье имя Восход.¹⁶

Domini Domini sunt exitus mortis.

Во власти Господа Вседержителя врата смерти.¹

¹² Bald, op. cit., p. 186.

¹³ "This twilight of two yeares...", cf. Bald, op. cit., p.173.

¹⁴ Само название, «Death's Duel», по-видимому, не принадлежит Донну. Проповедь была внесена в издательский регистр 30 сентября 1631 г. Название книги в этой записи отсутствовало, но выше, в записи за 13 июня, числится «книга W. С. [поэта Уолтера Кольмана] под названием Поединок со смертью». Она вышла, — вероятно, позже проповеди, — под названием *La Dance Macabre, or Death's Duell*; на последней странице Кольман поместил стихотворную «Авторскую Апологию названия этой книги, вредоносно перенесенного Роджером Мачиллом на Проповедь Доктора Донна». Мачилл был публикатором проповеди.

¹⁵ Пересказанный здесь фрагмент жизнеописания Донна (Walton, *Lives*) приведен в: Bald, op. cit., p. 530.

¹⁶ Цит. по: Bald, op. cit., p. 534. Перевод Н. Н. Казанского.

Строения стоят на земле благодаря своим фундаментам, которые несут их, поддерживают их; и благодаря балкам, которые охватывают их, обнимают их; и благодаря стропилам, которые связывают и соединяют их. Фундамент не позволяет им оседать; опоры не позволяют им наклоняться в сторону; балки и лаги предохраняют их от трещин. Тело нашего строения — в первой части стиха *Бог для нас — Бог во спасение; ad salutes*, — спасений во множественном числе, так в оригинале; Бог дает нам спасение как в духе, так и во времени. Но фундамент, брусья и стропила этого строения заключены во второй части стиха, — той, которая составляет наш заглавный текст,² и в трех различных прочтениях его у наших толкователей: *Во власти Господа Вседержителя врата смерти*. Ибо прежде всего, фундамент этого строения, (наш Бог есть Бог всякого спасения) в том, *что во власти Его, Господа Вседержителя, врата смерти*; то есть, в Его власти дать нам выход и освобождение, даже когда мы брошены в зубы к смерти, в челюсти смерти, и к устам воронки, нашей могилы; и потому в таком прочтении *exitus mortis*, врата смерти — это *liberatio a morte*, освобождение от смерти; это самое очевидное и самое обычное прочтение этих слов, и на нем основан перевод, *the issues of death*. Затем, во-вторых, опоры, которые окружают и поддерживают это строение, — воздвигнуты тем, *Кто есть наш Бог, Бог во спасение*, благодаря тому, что *Во власти Его, Господа Вседержителя, врата смерти*, то есть характер и образ ее, какими будут врата и переселение из этого мира, подготовленным ли будет оно или внезапным, насильственным или естественным, в сознании ли совершенном, или же потрясенном и смятенном болезнью; и нельзя вывести отсюда никакого осуждения, никакой суд не может быть здесь произведен, ибо как бы они ни умирали, *драгоценна в глазах Его смерть святых Его*³, и у Него врата смерти; пути, которыми мы покидаем эту жизнь, в Его руках; и так, в этом смысле приведенных слов, *exitus mortis*, эти врата смерти, суть *liberatio in morte*, освобождение в смерти; оно не в том, что Бог избавит нас от умирания, но что Он позаботится о нас в час смерти, каким бы ни был этот наш переход; такой смысл и такое понимание этих слов легко и благодарно воспринимаются нашим природным строением и составом. И наконец, стропила и балки этого здания, (*Тот, кто есть наш Бог, есть Бог всякого спасения*), вот они: *Во власти Господа Вседержителя врата смерти*, — Господь Бог, соединив и связав обе природы в одной, и будучи Богом, и придя в наш мир, и воплотясь, не мог ни покинуть этот мир, ни вернуться к Своей славе, кроме как через смерть. Итак, в этом смысле *exitus mortis*, врата смерти, суть *liberatio per mortem*, освобождение посредством смерти, через смерть самого Господа нашего, Иисуса Христа; и так в прочтении этих слов Св. Августином и теми многими великими людьми, кто примкнул к нему. Итак, на каждой из упомянутых трех линий мы будем обращаться к этим словам; сначала, как Бог сил, Всемогущий Отец, избавляет служащих Ему от челюстей смерти; затем, как Бог милосердия, всеславный Сын, избавил нас от смерти, приняв на Себя смерть; и наконец (между этими двумя), как Бог покоя, Святой Дух, избавляет нас от всякого смятения заранее своими благословенными запечатлениями, так что, какой бы образ смерти ни был нам предназначен, все же этот *exitus mortis* будет *introitus in vitam*, наши смертные врата станут входом в вечную жизнь. И эти три мысли, наше освобождение *a morte, in morte, per mortem*, от смерти, в смерти, и посредством смерти, в полной мере послужат фундаментом, опорами, балками и стенами нашего здания, где *наш Бог — Бог всецелого спасения*, потому что *Ему, Господу Вседержителю, принадлежат врата смерти*.

Итак, во-первых, мы считаем, что «*врата смерти*», *exitus mortis*, — это освобождение от смерти; власть Господа Вседержителя над вратами смерти означает, что во всех смертях и смертельных бедствиях этой жизни мы по справедливости можем надеяться на добрый исход, который даст Он; а все периоды и переходы в нашей жизни суть лишь многочисленные переходы от одной смерти к другой. Само наше рождение, вступление в эту жизнь, — это *exitus a morte*, исход из смерти; ибо в утробе матери мы мертвы, так как еще не знаем, что мы живем; более, чем это бывает во сне; нет могилы теснее, нет более гиблой тюрьмы, чем станет для нас утроба, если мы останемся там

дольше, чем положено нам, или же если мы погибнем в ней до того, как наше время наступит. В могиле черви не убивают нас: мы выращиваем и кормим, и затем убиваем этих червей, которых мы сами произвели. В утробе мертвое дитя убивает зачавшую его мать, становится убийцей, более того, убийцей своей матери, даже когда само оно уже мертво. А если мы не настолько мертвы в утробе, чтобы убить ту, что дала нам нашу первую, еще растительную жизнь, то мы все равно мертвы, как мертвы идола Давида⁴; в утробе у нас есть глаза, но мы ими не видим, у нас есть уши, но мы ими не слышим. Там, во чреве, нас вскармливают для дел, совершаемых во мраке, полностью лишенном света; нас учат жестокости и питают кровью; и мы уже достойны проклятия, несмотря на то, что еще не рождены. О самом нашем развитии в утробе Давид говорит: «дивно и страшно устроен я»⁵, и «такое знание слишком превосходит меня»⁶; ибо «даже это есть творение Господа, и дивно в наших глазах»⁷, Он сотворил нас, а не мы себя», да, не мы сами, и не наши родители. «Твои руки сделали меня и придали мне форму», говорит Иов;⁸ и (как сказано в оригинале) «Ты взял на себя заботы обо мне»; но еще говорит он, «Ты уничтожаешь меня»: хотя я и являюсь шедевром величайшего Мастера (как вообще человек), все же, если Ты не сделаешь для меня большего, если Ты оставишь меня там, где Ты создал меня, последует разрушение. Утроба, которая должна быть домом жизни, станет самой смертью, если Бог оставит нас там. Закрытие чрева,⁹ — то, чем Бог грозит столь часто, — тяжелее и мучительнее поражает в конце, нежели в начале; не столь страшно бесплодие, как слабость, когда приспел ребенку родиться, и нет силы родить.¹⁰ Худшее бедствие — пасть вблизи надежды на счастье. Но именно таким неистовым проклятием пророк выразил вершину Божьего гнева: «Дай им, О Господи, что же ты дашь им? Дай им чрево, неспособное разродиться»¹¹. Поэтому, коль скоро мы люди (то есть неодушевленные, начинающие двигаться в чреве), то, хотя мы сами не в состоянии этого сделать, наши родители вправе сказать о нас, «Несчастен этот человек, и кто освободит его из тела смерти?»¹² Ибо, даже чрево есть тело смерти, если не окажется разрешителя. Кто как не Он сказал Иеремии, «Прежде чем я придал тебе форму, я знал тебя, и прежде, чем ты вышел из чрева, я освятил тебя».¹³ Мы не знаем наверняка, существовали ли какие-нибудь корабли или лодки, чтобы ловить рыбу, или для передвижения, прежде чем Бог начертал Ною совершенную форму ковчега; слово, которым Святой Дух, через Моисея, называет ковчег, *thebah*, является общим для обозначения любого судна, и это то же самое слово, каким Моисей назвал лодченку, в которой он был оставлен, — он сказал, что мать положила его в ковчег из тростника.¹⁴ Но мы знаем наверняка, что у Евы не было акушерки, когда она разрешилась Каином; она вполне могла сказать: *Possedi virum a Domino*, «я получила человека от Господа»;¹⁵ в полной мере, целиком от Господа: «это Он дал мне способность зачать, Он вселил душу в плод, и я почувствовала его движение», Господь принес в мир того, кому придал движение; не будь всего этого, Ева могла бы сказать: «мое тело было лишь домом смерти», и *Domini Domini sunt exitus mortis*, во власти Господа Вседержителя врата смерти.

Но далее, этот *exitus a morte* есть лишь *introitus in mortem*, эти врата, это разрешение от той, утробной смерти, становятся входом во смерть иную, туда, где мы преданы всем многообразным смертям этого мира. В утробе матери с нами находится саван, он растет вместе с нами, начиная с зачатия, и мы входим в мир, обернутые в этот саван; ибо мы приходим искать могилу. И, как узники, признанные невиновными, за долги перед собственной тюрьмой продолжают оставаться в неволе, так и мы, освободившись из утробы, остаемся связанными с ней узами плоти, да так, что не можем ни уйти от нее, ни остаться в ней. Рождаясь на свет, мы приветствуем собственные похороны плачем, как будто тридцать лет и три года жизни проведены в каторжной тюрьме материнской утробы, и вот закончен наш первый круг. Мы вымаливаем одно крещение за другим в священном таинстве слез; и входим в мир, который длится многие века, но наша жизнь не длится. «В доме Отчем», (говорит наш благословенный Спаситель, имея в виду небеса), «многие обители».¹⁶ Их множество, этих обителей, разнообразных и

прочных; так что, если мужчина не получит обители мученика, (он не пролил кровь за Христа), все же он может иметь обитель исповедующего; он был готов прославлять Бога, пролившего Свою кровь. И если женщина не получит обитель девственницы (она приняла священные обеты брака), все же она может иметь материнскую обитель; она принесла на свет и вырастила детей в страхе Божьем. *In domo Patris*, в доме Отца Моего небесного есть много обителей, но здесь на земле «Сыну Человеческому негде преклонить голову», говорит Он Сам.¹⁷ Негде? *terram dedit filiis hominum*, «землю Он отдал сынам человеческим».¹⁸ Каким же тогда образом Бог отдал землю сынам человеческим? Он отдал им землю ради тех материалов, которые они добывают из нее; и Он дал им землю для могилы и погребения, чтобы люди возвратились в землю и обратились в нее; но не во владение им. «Здесь нет у нас града постоянного»;¹⁹ нет даже дома, который бы пребывал во времени; так и нас нет, нет человека, нет тела, которое бы пребывало вечно. Чтобы ни подвигло Св. Иеронима назвать странствие евреев в пустыне *mansiones*, обителью, это слово (*nasang*) означает лишь странствие, паломничество: даже Израиль Господен не имел в этой жизни обители, но лишь странствие и паломничество. Этой мерой измерил свою жизнь Иаков, назвав ее фараону: «Дни моего паломничества».²⁰ И хотя апостол не говорит *morimur*, «пока мы с телом, мы мертвы», все же он говорит *peregrinamur* — пока мы с телом, мы лишь паломники, и мы вдали от Господа.²¹ Он мог бы сказать «мертвы»; ибо весь этот мир — только всеобщий погост, только братская могила; жизнь и движение, над которыми величайшие из людей властвуют в нем, — это лишь движение трупов в могилах во время землетрясения. То, что мы называем жизнью, есть лишь *hebdomada mortium*, неделя смертей, семь времен нашей жизни, потраченных на умирание; семь умираний проходят, и наступает конец. Наше рождение умирает в детстве, и наше детство умирает в юности, и наша юность и оставшийся возраст умирают в свой черед; и самый возраст также умирает, и этим решает все. И выходят все они, — юность из детства, или же зрелый возраст из юности, — не как восстает феникс из пепла другого феникса, прежде умершего, но лишь как оса из падали, или как червь из гнили, или как змея выползает из помета; наша юность хуже нашего детства, а зрелый возраст хуже юности; наша юность алчет и жаждет грехов, каких наше детство не знало, а зрелый возраст сожалеет и досадует, что не может продолжить грехов, совершенных юностью. Но кроме того, столько смертей, то есть, столько смертельных бедствий сопровождают каждое состояние и каждую часть этой жизни, что сама смерть кажется легче них. По той же причине Иов желает, чтобы уж лучше Бог не дал ему выхода из самой первой смерти, из материнской утробы; «Почему ты вывел меня из чрева? О, если бы я испустил дух, и ничей глаз не видел бы меня; мне следовало бы никогда не быть».²²

И не только нетерпеливые люди Израиля в своем роптании («Почему Бог не захотел, чтобы мы умерли от руки Господа в земле Египта»),²³ но сам Илия, когда он спасся бегством от Иезавели, «пошел, чтобы спасти свою жизнь», как сказано в этом тексте, под можжевельным кустом просил смерти, и сказал: «Довольно, теперь, Господи, возьми жизнь мою».²⁴ Так Иона оправдывает свое нетерпение, даже свой гнев на самого Господа; «Теперь, о Господи, возьми, умоляю, жизнь мою от меня, ибо лучше мне умереть, чем жить».²⁵ И, когда Бог спросил его, «Неужели ты гневаешься из-за этого?» и после (о клещевине), «Неужели ты гневаешься из-за нее?» он отвечает, «Из-за нее я гневаюсь даже до смерти».²⁶ Насколько же хуже смерти эта жизнь, которую столько праведных людей готовы были променять на смерть. Но если я вместе со Св. Ап. Павлом, *quotidie morimur*, умираю ежедневно,²⁷ ибо то, что выпадает мне каждый день, тяжелее смерти, если вместе с Давидом, *tota die mortificamur*, нас умерщвляет в продолжение всего дня,²⁸ и не только каждодневно, но ежечасно то, что выпадает нам, и что тяжелее смерти: хотя верно в отношении меня, *conceptus in peccatis*, я скроен в беззаконии, и в грехе зачат моей матерью²⁹ (и там я умер уже одной смертью), и хотя верно, что я *natus filius irae*³⁰, то есть родился не только сыном греха, но сыном Божьего гнева на грех, который сам по себе является еще более тяжелой смертью, все же *Domini*

Domini sunt exitus mortis, во власти Господа Вседержителя врата смерти; и вслед за Иовом, и за Иосифом, и за Иеремией, и за Даниилом я не могу сомневаться в избавлении; и пусть не существует другого избавления, более подобающего Его славе и моему благу, но по-прежнему у него ключи смерти,³¹ и Он может выпустить через врата, избавить меня от множества смертей этого мира, происходящих *omni die*, и *tota die*, смертей ежедневных и ежечасных, с помощью этой единственной смерти, которая окончательно расторгнет душу и тело, и будет концом всему.

Но действительно ли это конец всему ? Будет ли это отторжение души от тела та последняя смерть, которую должно перенести тело (ибо о духовной смерти мы не ведем здесь речи) ? Нет. Хотя это исход из смерти, это и вход во смерть; это был исход из множества смертей нашего мира, но он же становится входом во смерть распада, и гниения, и червоточины, и тления, и рассеяния праха, и в могиле, и из могилы, в которой каждый покойник умирает снова и снова. Только Христос имел особенное право не умирать такой смертью, не знать разложения. Что дало ему эту привилегию? Не Иосифовы смолы и травы, доставленные в громадной пропорции,³² которые, хотя и помогли бы сохранить Его тело от тления и распада долее, чем было нужно, долее трех дней, все же не сохранили бы его навечно. Что же уберегло Его тогда ? Его ли свобода и непричастность к первородному греху сохранила Его от тления и распада ? В самом деле, именно первородный грех ввергает нас в тление и обращает во прах. Не согреши мы в Адаме, смертность не одолела бы бессмертие (как говорит апостол),³³ и тление не победило бы нетленность, но мы переместились бы из этого мира в мир иной, минуя смерть, без всякого тления вообще. Однако же, с тех пор как Христос принял грех на себя, с тех пор как Он сделался смертным, Он также должен был бы стать подвержен тлению и распаду, хотя Он и был свободен от первородного греха. Что же сохранило его тогда ? Единство ли обеих сущностей, Бога и человека, стало причиной того, что Его плоть не узнала тления, не узнала распада ? Из всех бальзамов, безусловно, самый сильнодействующий — этот: быть насквозь проникнутым самой божественной сущностью, быть напитанным вечностью — вот что могло навсегда уберечь Его от распада и тления; и Он действительно был пропитан этим бальзамом, бальзамом божественной природы, даже тело Его, не говоря о Его душе; ибо Божественность души, Божественная природа ее, не изошла, а пребывала в могиле в единении с Его мертвым телом. И несмотря на этот сильнейший бальзам, на единство двух ипостасей, Христос умер; и несмотря на это единство, делавшее его Богом и человеком, Он перестал быть человеком, ибо человек есть единство души и тела, а Он, чьи душа и тело были разъединены смертью (во все то время, пока она длилась) не был, в собственном смысле, человеком. И, так же, как отделение души от тела не было в Нем разделением единства ипостасей, точно так же ничто не позволяет утверждать, что это единство было бы как-то нарушено, даже если бы плоть Христа претерпела тление и распад в могиле; ибо Божественная природа, Божественность, могла остаться во всех частицах Христова тела, так же, как она осталась в обеих составляющих частях Его личности, в Его душе и в теле. Причина Его нетленности, тем самым, не в смолах и травах Иосифа; равно и не в безвинности Христа, и в его свободе от первородного греха; равно и не заключается она (нет нужды указывать на это), в единстве двух ипостасей. Причина нетленности Его плоти лучше всего выражена так: *Non dabis*, «Ты не дашь Святому Твоему видеть тление».³⁴ Мы не ищем других причин и оснований в таинствах нашей религии, кроме промысла и соизволения Божьего. Сам Христос не спрашивал, сказав лишь *Ita est*, «*пусть будет так, Отче, так как Тебе это угодно*».³⁵ Тело Христа не подверглось разложению, потому что Бог повелел, и этого не должно случиться. Смирная душа (только смиренная душа есть верующая душа) предает себя Божьему промыслу, и его обетованиям; но при этом она предает себя тому Божьему промыслу, и тем обетованиям, которые Он объявил и открыл нам, а не тем, которые мы замыслили внутри себя и представляем себе, хотя бы и на основе некоторой вероятности, некоторого правдоподобия. Так, в нашем случае, поступил Петр в своей проповеди в Иерусалиме,³⁶ и Павел в своей проповеди в Анти-

охии;³⁷ они проповедовали, что Христос воскрес, не узнав тления, не только потому, что так повелел Бог, но и потому, что Он объявил это через Своего пророка. Поэтому Св. Ап. Павел цитирует второй Псалом, специально указав на номер, об этом обетовании,³⁸ поэтому Св. Павел и Св. Петр оба цитируют это место в шестнадцатом Псалме;³⁹ ибо, когда Бог объявляет Свою волю через слово пророка, или же когда Он являет ее как совершение обетования, тогда только Он делает ее нашим достоянием. И так как таинства нашей религии — не предметы для рассудочного постижения, но лишь верой своей мы остаемся в Божием обетовании и воле (Истинно, Боже, ибо по воле Твоей это так), то обетования должны всегда рассматриваться в их проявлении. Проявление же возможно либо в Слове Божием, либо в явленном исполнении обетования; когда налицо и то и другое, мы имеем самое сильное свидетельство, какое только может быть: поэтому, когда в самом себе я нахожу знаки усыновления, духовного сыновства, заповеданные Словом Божиим; когда я вижу на самом себе действительное исполнение Его благого обетования, если на самом деле я живу в послушании, соблюдая условия, которые свидетельствуют о моем духовном сыновстве, тогда, — до тех пор, пока я вижу эти знаки и так живу, я смело могу полагаться на святую крепость моего усыновления и смиренную неразрушимость его. Христос исполнен решимости в Божием обетовании, потому что Божие обетование было явлено Ему. Св. Петр и Св. Павел были исполнены решимости на этих двух путях познания Божьего промысла: Слова Божия, и последовавшего за ним исполнения обетований во всей полноте времени. Было пророчество прежде, сказали они, и оно совершилось ныне; Христос восстал, не увидав тления.

Ныне то, что было Его исключительной особенностью, — что Его плоть не знала тления, при Его втором пришествии, пришествии для суда, распространится на всех живых, их плоть не увидит тления; поскольку (как говорит апостол, и говорит как тайну, как откровение: «*Смотрите, я открою вам тайну: мы все не будем спать*»,⁴⁰ (то есть, пребывать мертвыми в могиле), «*но все мы изменимся*»). В одно мгновение мы будем уничтожены, и в то же самое мгновение собраны воедино, и душа воссоединится с телом; и это воистину будет смерть, и воистину воскресение, но не сон, не распад. Но мы, — те, кто умирает ныне, и те, кто спит смертным сном, мы все должны будем пройти через эту посмертную смерть, увы, через смерть после погребения, через уничтожение после уничтожения, через смерть разложения и гниения, тления и обращения во прах, уничтожения и рассеяния праха, — и в могиле, и из могилы. Когда эти тела, которые были детьми царственных родителей, и родителями царственных детей, должны будут сказать вместе с Иовом, «*тлению "ты мой отец", и червю "ты мать моя и сестра моя"*». ⁴¹ Жалкая загадка, где тот же самый червь должен быть моей матерью, и моей сестрой, и мной самим. Жалкое кровосмешение, когда я должен жениться на своей собственной матери и сестре, и быть одновременно и отцом и матерью моим собственным матери и сестре, родить и вынашивать этого червя; вся эта жалкая нищета, когда мой рот будет наполнен прахом, и червь будет питаться, сладко питаться мной. Когда честолюбивый человек не сможет возразить беднейшему из живых, попирающему его, а беднейший также не получит удовлетворения в своем равенстве с князьями, ибо они будут равны лишь во прахе. Один умирает в полной силе, в полном достатке и в спокойствии, другой в горечи сердца, и никогда не ест вдоволь; но оба лежат одинаково во прахе, и черви покрывают их.⁴² Черви покрывают их в Иове, и в Исае, они покрывают их, и подстилаются под ними, (под тобой подстилается червь, и черви - покров твой).⁴³ Это подстилка и ковер, лежащий внизу; это торжественный балдахин, простертый над величайшими из сыновей людского рода. Даже тела, которые были храмами Духа Святого,⁴⁴ приходят к этому упадку, к разрушению, превращаются в груды мусора, во прах: даже Израиль Господа, и сам Иаков не имел другого названия, кроме этого: *Vermis Jacob*, ты червь, Иаков.⁴⁵ Воистину, думая об этой посмертной гибели, этой смерти после погребения, я скажу: после того как Бог, во власти Коего врата смерти, спас меня от смерти в утробе, принеся меня на свет, и спас от многих смертей этого

мира, положив меня в могилу, я должен умереть снова, в тлении этой плоти, и в рассеянии этой пыли; как и все, монарх, при жизни вознесенный над многими народами, должен во прахе своем лежать в углу свинцового листа, столько времени, сколько выдержит свинец; частный человек, отошедший от дел, который думал, что отныне и навсегда принадлежит только самому себе, и никогда не станет достоянием публики, должен во прахе своем стать на обозрение, и (таков переворот, что совершается могилой), прах его будет смешан с пылью любой проезжей дороги, любой навозной кучи, и заключен в любой луже, в любом пруде; вот самое презренное бесчестие, самая страшная и окончательная отмена человека, какую мы только можем себе представить. Ясно, что Бог вознес изъявление своей власти на величайшую высоту, когда привел пророка Иезекииля в ущелье с высохшими костями, и сказал: «Сын человека, могут ли эти кости ожить?»,⁴⁶ и хотя это было невозможно, всё же они ожили; Господь соединил их сухожилиями, покрыл плотью, дал им дыхание, и они ожили.⁴⁷ Но в том случае можно было увидеть кости, нечто видимое, о чем можно было сказать: «Может ли это, это ожить?», в то время как в смерти, обращающей в прах и в тление, мы не видим ничего, что могло бы быть отнесено к определенному человеку. Если мы скажем, «Может ли этот прах ожить?» — есть вероятность, что не может. Возможно, это обыкновенная земная пыль, которая никогда не оживала, и никогда не оживет; быть может, это прах червей того человека, которые жили, но отжили; быть может, это прах совершенно другого человека, не имеющего никакого отношения к тому, о ком вопрошали. Эта смерть тления и рассеяния для обыденного сознания — самая непоправимая смерть из всех; и все же *Domini Domini sunt exitus mortis, во власти Господа Вседержителя врата смерти*, и, воссоединяя пыль в прежнее тело, заново оживляя его той же душой, Он должен в благословенном и славном воскресении дать мне такой исход и из этой смерти, который никогда не приведет ни в какую другую смерть, но утвердит меня в жизни, которая будет длиться, доколе пребудет сам Господь жизни. Так будет и с вами, и это относится к первому смыслу слов «*во власти Господа Вседержителя врата смерти*», так что, хотя от утробы до могилы, и в самой могиле, мы переходим от смерти к смерти, все же, как говорит Даниил, Господь наш Бог способен спасти нас, и Он нас избавит.⁴⁸ И так мы переходим ко второму пониманию слов «*во власти Господа Вседержителя врата смерти*», гласящих, что Богу, а не человеку, дано судить нас при нашей смерти, или заключать о забвении нас Богом, исходя из того, какова она.

Признаки, которые врачи получают, и прогноз, который они дают относительно смерти или выздоровления больного, они получают и дают, исходя из оснований и правил своего искусства: но у нас нет такого правила, нет такого искусства, чтобы основать на нем прогноз о духовной смерти и проклятии, исходя из такого рода признаков, какие мы можем наблюдать у всякого умирающего человека: того, что мы видим, часто достаточно для печали, но не для отчаяния, ибо милость Божия действует мгновенно, в считанные минуты; зачастую она не заметна никому из находящихся рядом, но только одному тому, кто отходит, так что наше разочарование может быть двояким: при смерти друга мы обыкновенно успокаиваем себя, когда засвидетельствовано, что он умер как агнец, то есть, без всякого сопротивления; но Богу известно, что это могло сопровождаться опасным оупением и оцепенением, и бесчувствием к настоящему своему положению. Наш благословенный Спаситель принял борение со смертью, и даже печаль допустил в свою душу перед лицом смерти, и испытал телесное страдание вплоть до кровавого пота, и упрекал Бога, и воззвал к Нему на кресте. Набожным был тот человек, кто на смертном одре, вернее на смертной земле, так как он был отшельником, сказал: *Septuaginta annis Domino servivisti, et mori times?* Ты служил доброму Господину семьдесят лет, теперь ли будешь противиться идти к Нему? И все же Илларион противился. Набожным человеком (отшельником) был тот, кто сказал в день своей смерти: *Cogitate hodie coepisse servire Domino, et hodie finiturum*, подумай, что сегодня ты только начал служить Господу: славить Его во Христе постоянным умерщвлением плоти; но если твой первый день станет твоим же последним днем, когда тебе придти за своей

платой? Все же Варлаам согласился бы остаться подольше ради этого; не делай ложного вывода из того, что человек противится смерти. И далее, о насильственных смертях, как и о разбойниках, сам Христос запретил нам Своей собственной смертью делать ложные выводы, так как Его собственная смерть несла в себе такой отпечаток: Он был обесславлен и казнен как злодей, и без сомнения многие из тех, кто присутствовал при Его смерти, считали Его таковым. В Писании совсем мало примеров внезапной смерти праведных людей, (смерть в бою нельзя назвать внезапной); но Бог правит не примерами, а законами; не следует поэтому делать ложных выводов о внезапной смерти; равно как и о душевном смятении, хотя, возможно, даже сопровождаемом словами неверия в милость Господню. Верно, что дерево лежит так, как упало; но не последний удар валит дерево, и не последнее слово, не последний вздох позволяют судить о душе. И мы все молимся о жизни в мире, без насильственной смерти, и против внезапной смерти, чтобы дано было время на раскаяние, и да будем иметь сдержанную и несамонадежную уверенность против смерти в смятении и в неверии, но пусть никогда мы не будем делать ложных выводов о людях, которых настигла подобная смерть. *Domini, Domini sunt exitus mortis*, во власти Господа Вседержителя врата смерти, и Он приял Самсона, который покинул этот мир так, что судить об этом поступке очень нелегко, (рассмотрим ли мы совершившего действие или от действия претерпевших: смерть его собственную или же тех, кого он убил вместе с собой); все же Святой Дух подвинул Св. Ап. Павла прославить его в своем великом перечне,⁴⁹ и так же делает вся Церковь. Решающим днем является не самый день нашей смерти, но весь ход нашей жизни: я благодарен тому, кто молится за меня в час, когда по мне звонит колокол; но еще более я благодарен тому, кто учит меня, чья проповедь ко мне, кто научает, как мне жить, *fac hoc et vives*, здесь моя защита; уста Господа произнесли: «Делай так и ты будешь жить». Но и поступая так, я все-таки тоже умру, умру телесной, естественной смертью; но Бог никогда не упоминает, никогда, по-видимому, не берет в расчет эту смерть, телесную, естественную смерть. Бог не говорит: «Живи в добре, и ты умрешь доброй смертью», доброй, значит — легкой, спокойной смертью; но «живи в добре здесь, и ты будешь жить в добре вечно». И раз первая часть фразы хорошо сочетается с последней, то никогда не принимают во внимание, никогда не вслушиваются в то, что содержится между ними в скобках; так веди добрую жизнь здесь, чтобы она перетекла в вечную жизнь, и не думай, какой смертью мы умрем. Но откроет ли врата моей тюрьмы смазанный маслом ключ (благосклонная ко мне и подготавливающая меня к смерти немощь), или же насильственная смерть разнесет эти врата, или сожжет яростной и неистовой лихорадкой, все равно они откроют для меня небеса; ибо, от Господа весь ход моей жизни, и во власти Господа Вседержителя врата смерти; и теперь мы будем следовать не второму значению этих слов, которое в том, что врата смерти суть *liberatio in morte*, забота Бога о том, чтобы душа осталась в сохранности, какую бы агонию ни выстрадало тело в час смерти; но перейдем к нашей третьей и последней части: как эти врата смерти становятся *liberatio per mortem*, нашим избавлением через смерть другого, через смерть Христа.

Sufferentiam Job audiistis et vidistis finem Domini, говорит Св. Иаков, стих 11.⁵⁰ «Вы слышали о терпении Иова», говорит он; все это время вы делали это, ибо в каждом человеке, бедствующем, несчастном человеке, говорит Иов: «Теперь видишь конец Господен», сказал этот апостол; это не та конечная цель, которую Господь назначил Себе (наше спасение), и не та, что Он назначил нам (жизнь в согласии с Ним), но «видишь конец Господен», сказал он; это тот конец, к которому пришел Сам Господь, смерть, причем смерть мучительная и унижительная. Но почему Он умер? И почему такой смертью? *Quia Domini Domini sunt exitus mortis* (как Св. Августин, толкуя этот текст, отвечает на вопрос), потому что Богу, Господу нашему, принадлежали врата смерти; *quid apertius diceretur?* — говорит он; «что может быть более очевидным, более явным, чем этот смысл этих слов?» В первой части стиха сказано, «Бог наш — Бог во спасение; *Deus salvos faciendi*», и он понимает это так: «Бог, который должен нас спасти»; Кто же

может быть им, — говорит он, — кроме Иисуса ? И это имя потому было дано Ему, что Он был нам во спасение; Ему, Иисусу, говорит он, Ему, Спасителю, принадлежат врата смерти, *nec oportuit cum de hac vita alios exitus habere, quam mortis*, придя в жизнь в нашем смертном естестве, Он не мог покинуть его иначе, как через смерть. *Ideo dictum* (говорит он), «поэтому сказано», *Господу Вседержителю принадлежат врата смерти; Ut ostenderetur moriendo nos salvos facturum*, чтобы показать, что Его путь спасти нас был — умереть. И из этого текста Св. Исидор доказывает, что Христос был воистину человеком (что отрицают секты еретиков, столь же многочисленные, как и те, что отрицают, что Он был воистину Богом), потому что Ему, хотя он был *Dominus Dominus* (как повторено в тексте), Господом Вседержителем, но и перед ним, Господом Вседержителем, стояли врата смерти. *Oportuit cum pati*, нельзя сказать больше того, что Христос сказал о Себе: «*Это Христос должен выстрадать*»;⁵¹ у него не было другого пути, кроме смерти. Таким образом, эта часть нашей проповеди неизбежно должна быть проповедью о Страстях Христовых. И как вся Его жизнь была непрерывным страданием, так и весь наш Великий Пост пусть будет непрерывной Страстной Пятницей; но страдальческая жизнь не избавила Христа ни от одного из смертных страданий, которые Он перенес тогда; их не стало меньше от того, что перед тем Он вынес много страданий; и сказанное прежде не уменьшит, но скорее увеличит вашу преданность тому, что вы услышите о Его Страстях в день посвященного этому богослужения. Пролив кровь при обрезании, Христос пролил свою кровь ни каплей меньше в конце, и ваших слез не станет ни каплей меньше тогда, пролей вы несколько слез сейчас. Поэтому сейчас соблаговолите рассмотреть вместе со мной, как эти врата смерти были во власти Господа Вседержителя.

Странно видеть, что Господь Бог, Господин жизни, способен умереть; что Красное море способно высохнуть;⁵² что солнце способно стоять на месте;⁵³ что печь семь раз может быть раскалена — и не жечь;⁵⁴ что голодные львы способны не растерзать,⁵⁵ — это странно, чудовищно странно; но еще более странно, что Бог способен умереть; а то, что Он действительно будет умирать — есть уже преувеличение этой чудовищной странности; но даже приняв и ее, будет сверхпреувеличением этой чудовищной странности, что Бог умрет, и что неизбежно должен умереть; и *non exitus* (сказал Св. Августин), Господь Вседержитель не знал других врат, кроме врат смерти, и *oportuit pati* — сказал Сам Христос, — Христос должен был выстрадать все, и Ему надлежало выстрадать. *Deus ultionum Deus*, сказал Давид, Бог есть Бог отмщения;⁵⁶ Он не прошел бы мимо человеческого греха неотмщенного и безнаказанного. Но ведь, *Deus ultionum libere egit* (сказано в этом месте), Бог отмщения действует свободно;⁵⁷ Он казнит и милует, кого хочет;⁵⁸ помилует ли Он себя ? Нет, не помилует. *Dilectio fortis ut mors*,⁵⁹ сила любви равна силе смерти; любовь сильнее; она проникает в смерть, куда ее, конечно же, не приглашали. *Si possibile* (сказал Христос), «*если возможно, пусть минует меня чаша сия*».⁶⁰ Его любовь, выраженная прежде в решении, совместном с Отцом, сделала это невозможным. Никакие воды не погасят любовь; Христос прошел через многие; любя, Он принял крещение, но Его любовь не угасла; любя, Он оплакал Иерусалим, но Его любовь не угасла; Он смешал воду с кровью в Своей агонии, но Его любовь не угасла; Он источал кровь, всю до капли из Своих глаз, и из всех Своих пор; источал ее от побоев и терний; Господу нашему Богу были уготованы кровавые врата смерти; и они показали Его любовь, но не угасили ее.⁶¹

Он не помилует, нет, Он Себя не помилует; не было ничего более свободного, добровольного и независимого, чем смерть Христа; в самом деле, *libere egit*, Он умер добровольно; но все же, когда мы знаем о завете, который было заключен между Ним и Отцом, мы видим *oportuit*, некий вид необходимости, лежавшей на Христе: Он должен был выстрадать все. С какого же времени идет это обязательство, это *oportuit*, эта необходимость, с какого момента она началась ? Разумеется, это решение, по которому Христос должен был выстрадать все, было извечным; но было ли что-то прежде того,

что вечно ? — Бесконечная любовь, вечная любовь; соблаговолите вдуматься в это дѳма, и отнестись серьезно к тому, что какую бы свободу в Христе умереть или не умирать мы ни представили себе, эта необходимость смерти, это решение будет так же вечно, как и свобода; как мало, однако, значения придал Он этой необходимости, этой смерти ? Его Отец называет это всего лишь ушибом, всего лишь синяком на пятке («Змея оставит синяк на его пятке»);⁶² и все же змея направит и осуществит Его смерть. Сам Он называет это только крещением, наиболее для Него подходящим; «Мне предстоит крещение, которым я должен креститься»;⁶³ и Он скорбел, пока оно не совершилось; и крещением этим была Его смерть. Святой Дух называет это радостью: «Ради той радости, что была перед ним, Он претерпел распятие».⁶⁴ И Его радость не была радостью о грядущем вознаграждении за страдания, но радость наполняла Его даже среди мук, и шла от них. Когда Христос называет Свои страдания *calicem*, чашею, и не более того, («Можете ли пить из моей чаши?»),⁶⁵ — Он говорит о ней без ненависти, без отвращения к ней; это была просто чаша; *salus mundo*, здоровье для всего мира; и *quid retribuam*, говорит Давид, «Чем я воздам Господу ?» Отвечает вам вместе с Давидом: *Accipiam calicem*, «Чашу спасения прииму».⁶⁶ Возьмите ее, эту чашу спасения, чашу Его страданий, сейчас, если не для подражания, то хотя бы для рассмотрения, и будьте очевидцами того, как Господь, который есть Бог, способен даже умереть, умрет и должен будет умереть ради вашего спасения.

Что Илия с Моисеем разговаривали с Христом во время Преображения, об этом Св. Матфей⁶⁷ и Св. Марк⁶⁸ оба говорят нам; но о чем они говорили, сообщает только Св. Лука⁶⁹; *Dicebant excessum ejus*, говорит он; они разговаривали о Его болезни, — о Его смерти, которой надлежало совершиться в Иерусалиме. Само слово говорит о Его Исходе, о вратах из нашего текста: *Exitus*, — о Его исходе через смерть. Исход Моисея явился прообразом Исходу Господа нашего, когда, проведя Израиль из Египта через Красное Море, предрек этим пророческим поступком, что Христос проведет человечество через море Своей крови, а Исход Илии, и выход его за врата этого мира, был прообразом вознесения Христа. Оба они, несомненно, получили великое удовлетворение, разговаривая с нашим благословенным Господом *de excessu ejus*, о полном претворении этих исходов в Его смерти, которая должна была совершиться в Иерусалиме. Наше размышление о Его смерти должно быть внутренним, и поражать нас тем больше, что речь идет об уже совершившемся. Древним римлянам была свойственна деликатность и презрение к имени смерти, они не именовали смерть даже в своих завещаниях; они не говорили в них: *si mori contingat*, но: *si quid humanitus contingat*, то есть не «если» или же «когда я умру», но «когда случится со мной то, что свойственно человеку». Но может ли память или упоминание о нашей смерти раздражать и терзать нас, ежедневно говорящих о смерти Христа, — Он был распят, умер и погребен ? В наше теперешнее время среди нас есть такие, кто вполне свободно называют смерть, и смерть Господа, но лишь в богопротивных клятвах и в проклятиях. Несчастливы люди, о ком впоследствии скажут: они никогда не вспоминали об Иисусе, потому что они слишком часто поминали Его; они услышат, как Иисус скажет им: *Nescivi vos*, «Я никогда не знал вас»,⁷⁰ потому что они были слишком бесцеремонны с Ним. Моисей и Илия говорили с Христом о Его смерти только в святом и радостном смысле, как о благодати, которая снизойдет на них и на весь мир благодаря ей. Речи о религии должны вестись не ради любопытства, а ради воспитания. И они говорили с Христом о Его смерти в ту пору, когда Его слава была наивеличайшей, какую Он когда-либо согласился принять в этом мире: в час Его Преображения. А мы боимся говорить великим мира сего о смерти, но раздуваем в них тщеславное мнение об их бессмертии и неизменности. Но *Vonum est nobis esse hic*, (как сказал Св. Петр),⁷¹ благо для нас пребывать здесь, в размышлении о Его смерти, и поэтому пронесем наш сосуд, (нашу преданность), несколько шагов по пути, которые прошел Господь Бог в тот день к вратам Своей смерти.

Возьми последний Его день, с того часа, когда Христос ел пасху в четверг, до того часа, когда Он умер на следующий день. В твоей преданности Богу сделай этот день твоим сегодняшним днем, и рассмотри, что делал Он, и вспомни, что сделал ты. Перед тем, как учредить и сотворить таинство Причастия (что было совершено после вкушения пасхи), Он проявил смирение, умыв ноги Своим ученикам; даже Петру, который сперва противился этому.⁷² Готовясь к святому и благословенному таинству, искал ли ты, с искренним смирением, примирения со всем миром, даже с теми, кто был против, и отверг твои шаги к примирению? Если это так, и не иначе, то ты провел первую часть этого, Его последнего, дня, в согласии с Ним. После причастия, Он провел время, оставшееся до ночи, в молитве, псалмах⁷³ и проповеди. Счел ли ты, что достойное принятие причастия включает пребывание в святости и после приобщения, а не только приготовление к нему? Поступив так, ты в этом также достиг согласия с Христом: именно так Он провел время, оставшееся Ему до ночи. Ночью Он отправился в сад молиться, и Он молился *prolixius*, прилежнее;⁷⁴ Он молился долго. Как долго? В тексте сказано, что он молился раз за разом трижды, и что, вернувшись к ученикам после первой молитвы, и найдя их спящими, сказал: «*Так ли не могли вы один час бодрствовать со мною?*»⁷⁵ Из этого можно вывести, что он молился три часа. Я не смею спросить тебя, куда ты направился, и как ты распорядился собою, когда стемнело, и после. Если это время ты провел, благочестиво вверив себя Богу и подчинил Ему свою волю, тогда ты провел время в согласии с Ним. В эти часы и в этих молитвах были Его агония и кровавый пот.⁷⁶ Я хочу надеяться, что ты молился; но не обычной повседневной молитвой, а молитвой с настоящими слезами, творимой в готовности пролить кровь за Его славу, если понадобится; в ней ты пребудешь в согласии с Ним. Около полуночи Он был схвачен и с поцелуем лишен свободы. Не так ли и ты? Не слишком ли велико твое сходство с Ним в этом? Не твой ли это случай, более чем буквально точный? Быть схваченным в полночь, и с поцелуем лишиться свободы? Оттуда Его привели обратно в Иерусалим; сначала к Анне, затем к Каиафе и там в этот поздний час Его допрашивали, бичевали, и передали под стражу начальников, которые издевались над Ним и глумились, завязывали лицо, плевали в лицо, поносили Его богохульственными словами, и наносили изощренные удары, о чем говорится в Евангелии. *Gallicantum*, петушиное пение, которое призвало Петра к раскаянию, пришлось на это время. Как ты провел все это время прошедшей ночью, ты знаешь. Если ты совершил что-либо, что заслужило слезы Петра, и не пролил их, пусть я буду тебе петухом: раскайся сейчас; сейчас твой Господь (в недостойнейшем из Его слуг) оглянулся на тебя, раскайся сейчас. Рано утром, как только рассвело, иудеи собрали совет в доме первосвященника, и согласили свои свидетельства против Него, а затем отвели Его к Пилату, который должен был судить Его. Обвинил ли ты себя, проснувшись утром, и был ли ты готов скорее признать ложные обвинения и считать грешными свои поступки, в которых греха не было, чем скрывать и оправдывать настоящие грехи? Если так, ты провел этот час в согласии с Ним. Пилат не нашел доказательств Его вины; ради своего спокойствия и угождая Ироду, тетрарху Галилеи, который был в это время в Иерусалиме, (Христос, будучи галилеянином, относился к его юрисдикции), Пилат послал Его к Ироду; но, скорее как сумасшедшего, чем как злодея, Ирод с презрением отослал Его обратно к Пилату, чтобы тот вел судебное разбирательство против Него; и было это около восьми часов. Готов ли был ты пойти на этот допрос, это судебное разбирательство, это заточение и преследование твоей совести, чтобы перетрясти ее, пройти по ней от грехов твоей юности до твоих нынешних грехов, от грехов твоей постели до грехов твоей службы, и от их сущности до их обстоятельств? Тогда это время ты провел подобно твоему Спасителю. Пилат спас бы Христа, используя привилегию дня, потому что в тот день одного узника освобождали; но они выбрали Варраву. Пилат спас бы Его от смерти, удовлетворив их ярость новыми мучениями: кнутом, терновым венцом, насмешками и позорящими оскорблениями; но это не удалось; они настояли на распятии. Пытался ли ты искупить свой грех постом, милостынею, бдением и умерщвлением плоти, с тем, чтобы угодить суду Божию? Из этого ничего не выйдет, это неверный путь. Мы

настаиваем на полном распятии того греха, который правит тобой, и только этим ты достигнешь согласия со Христом. К полудню Пилат огласил приговор; и они так спешили совершить казнь, что вскоре после полудня Он был уже на кресте. И вот, это святое тело там висит на кресте, крещенное вновь собственным потом и слезами, заживо бальзамированное собственной кровью. Вот они, недра и суть сострадания, столь наглядно явленного, что ты можешь видеть его сквозь Его раны. Вот чудесные глаза, свет коих померк, как солнце, устыдившееся остаться и скрывшее свой свет. И вот Сын Божий, который никогда не был одним из нас, но теперь новым путем пришел к нам, приняв нашу природу, передает душу, которую никогда не выпускал из рук Своих Отец, в руки Своего Отца. Передает, как никогда раньше, отпуская ее по собственной доброй воле; и, поскольку Господу Вседержителю принадлежат врата смерти, то, по Своему собственному решению, Он непременно должен умереть; не через раны и рубцы, которые они нанесли Его святому телу, исходит Его душа, но Он сам *emisit*, Он испустил дух: и как Бог вдохнул душу в первого Адама, так Христос, второй Адам, выдохнул ее в руки Богу. Здесь мы оставляем вас, в этой благословенной зависимости, чтобы вы положились на Него, лежащего на кресте. Здесь, омывшись в купели Его слез, приобщаясь к крови Его ран, ляжешь с миром в Его могилу, до поры, когда Он помилует вас воскресением из мертвых, и вознесением в Царство, которое Он обрел для вас непредставимой ценой Своей нетленной крови. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

Авторы перевода выражают сердечную благодарность Н.Б. Янковской и А.В. Ивановой за помощь в подготовке публикации. В 2008 году при подготовке интернет-публикации некоторые ссылки исправлены и дополнены по переводу Ольги Седаковой, в кн. «Джон Донн. По ком звонит колокол», М. 2004. Первые ссылки на Псалтирь, если не указано иначе, даны по Библии Короля Якова (King James Bible).

-
- 1 Пс. 68, 21, в Синодальном переводе Пс. 67, 21.
2 На который написана проповедь.
3 В Синодальной Библии Пс. 115, 6.
4 В Синодальной Библии Пс. 113, 13-14.
5 Ср. Пс. 138, 14.
6 В Синодальной Библии Пс. 138, 6.
7 В Синодальной Библии Пс. 138, 14.
8 Иов. 10, 8.
9 «Заклучил чрево их», Быт. 16, 2; 20,18; 1 Цар 1,5; Ис 66,9.
10 Ис. 37, 3.
11 Ос. 9, 14.
12 Рим. 7, 24.
13 Иер. 1, 5.
14 Исх. 2, 3. В русском переводе: «корзинка из тростника», в Библии Короля Якова: «камышовый ковчег».
15 Быт. 4, 1.
16 Ин 14, 2.
17 Мф. 8, 18–20.
18 В Синодальной Библии Пс. 113, 24.
19 Евр. 13, 14. (Ср. Иез. 33, 25–28.)
20 Быт. 47, 9.
21 «Все сии умерли в вере, не получивши обетований, а только издали видели оные, и радовались, и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле. Ибо те, которые так говорят, показывают, что они ищут отечества». Евр 11, 13-14.
22 Иов. 10, 18–19 (Ср. Иов. 3, 11; 3, 16.)
23 Исход 16, 3.
24 3 Цар. 19, 3–4.
25 Ион. 4, 3.
26 Ион, 4, 9.
27 1 Кор. 15, 30–31.
28 Пс. 44, 22. (В Синодальной Библии Пс. 43, 23.)
29 Пс. 51, 5. (В Синодальной Библии Пс. 50, 7.)
30 Еф. 2, 3.
31 Откр. 1, 18.
32 «...состав из смирны и алая, литр около ста». (Ин. 19, 38-39.)
33 1 Кор. 15, 53.
34 Пс. 16, 10 (В Синодальной Библии Псалом 15.)
35 Мф. 26, 39.
36 Деян. 2, 25-27.
37 Деян. 13, 34.
38 Деян. 13, 33
39 Деян. 13, 35.
40 1 Кор. 15, 51 слл.
41 Иов 17, 13–14.
42 Иов 21, 23-26.
43 Ис. 14, 11.
44 1 Кор. 6, 19.
45 Ис. 41, 14.
46 Иез. 37, 1–3.
47 Иез. 37, 5–10.

-
- 48 Да.н 3, 17.
- 49 Евр. 11, 32.
- 50 «Стих 11» — так у Донна (Иаков 5, 11). В синодальном переводе: «Вы слышали о терпении Иова и видели конец *оного* от Господа, ибо Господь весьма милосерд и сострадателен». В толковании данного места Донн следует блаженному Августину. Православная традиция понимает это место не как слова о смерти и прославлении Господа, а, основываясь на второй половине стиха, как относящиеся непосредственно к Иову (дарованная Господом награда за его терпение), добавляя указательное местоимение «оного». Обратим внимание, что и в латинском, и в греческом тексте употреблен родительный падеж без предлога: *finem Domini, to telon kyriu*. Напомним, что и латинское *finis*, и греческое *to telon*, и английское *the end* (употребленное здесь у Донна) означают и «конец» и «цель».
- 51 Лк. 24, 26.
- 52 Исх. 14, 21.
- 53 Нав. 10, 13.
- 54 Дан. 3, 19-27.
- 55 Дан. 6, 16-22.
- 56 Пс. 94, 1 (В Синодальной Библии Пс. 93, 1.
- 57 Там же. В Синодальном переводе этих слов нет.
- 58 Рим. 9, 18.
- 59 Песн. 8, 6.
- 60 Мк. 14, 36.
- 61 «Никакие воды не погасят любовь» (Песн. 8, 7) — в оригинале «*many waters quench not love*», где *quench* означает и «гасить, тушить», и «утолять». Какое значение здесь правильное? В английском присутствуют оба. Далее, в том же абзаце, где идет перечисление, — «любя, Он принял крещение, но Его любовь не угасла; любя, Он оплакал Иерусалим, но Его любовь не угасла», и т.д., в английском тексте каждый раз стоит: *but his love determined not there*. *To determine* имеет в том числе и специфическое значение юридического термина «истекать» (о сроке аренды и т.д.), которое используется в этом месте; речь идет о том, что вплоть до распятия жажда не утоляется, любовь не гаснет и срок не истек. В тексте оригинала, с помощью двух слов, достигнута тройная образность.
- 62 Напр., Быт. 3, 14–15. «14. И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты перед всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоем, и будешь есть прах во все дни жизни твоей. 15. И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее: оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пятах.» Согласно «Толковой Библии», СПб., 1904–1907 (репринт: Стокгольм, 1987) т.1, с.28, «довольно близкие аналогии этому образу встречаются и в других местах Св.Писания (Рим. 16,20 и др.)».
- 63 Лк. 12, 50.
- 64 Ев. 12, 2. В синодальном переводе иначе: «вместо предлежащей Ему радости претерпел крест».
- 65 Мф 20, 22.
- 66 Пс. 116, 13, в синодальном переводе Пс. 115, 4.
- 67 Мф. 17, 3.
- 68 Мк. 9, 4.
- 69 Лк. 9, 31.
- 70 Мф. 7, 23, ср. Лк. 13, 25.
- 71 Мф. 17, 4; Лк. 9, 32–33.
- 72 Ин. 13, 6-8.
- 73 Ольга Седовская добавила необходимое здесь примечание, откуда Донну известно о псалмах: «И воспевши пошли на гору Елеонскую» (Мк. 14, 26).
- 74 Лк. 22, 44.
- 75 Мф.26, 40.
- 76 Лк. 22, 44.